

Как и предполагал староста селения Чум Чур, они подошли к искомому месту к вечеру следующего дня. Братья Гогри хорошо знали свои наделы для пастбищ, немногословные близнецы четко вывели уставших пришлых к таинственной пещере.

Несмотря на непривычное утомление, Шестипалый все же заставил себя подняться по склону поближе к пещере. Пока горцы и его слуга кормили собак и, не суетясь, разбивали лагерь, он, подгоняемый неумным любопытством, взобрался на один из осколков скалы — следствие обвала — и попытался изучить подходы к зияющей бездне.

Вид у нее был зловещий.

Маг встал поудобнее, уперся ногами в плотную, сбившуюся в комки землю и запел заклинание, не обращая внимания на то, какие неприятности доставляет людям за своей спиной. Над сказами разнеслись страшные, неприятные звуки, если так можно назвать слитые воедино вскрики, злобное шипение и громкие рвотные позывы, заставившие собак истошно завывать, а людей упасть и корчиться от невыносимых колик в животах.

На фоне багрово-кровавого заката бледный и осунувшийся некромант — и раньше-то выглядевший как смерть — с вытянутыми трясущимися руками раскачивался в трансе и будто толкал вперед воздух, его надкушенные до крови губы были в пене. Вокруг его пальцев по спирали закрутилось несколько чернильных вихрей и ударило рядом с провалом: они, будто живые хорьки на длинной привязи из черного тумана, метались из стороны в сторону, изучая каждый камень, каждый валун.

Произошло это необъяснимо стремительно. Яркий всполох, и словно кто-то взмахнул солнечным мечом. Шестипалый, вскрикнув, отпрянул, его левая рука, отрубленная по локоть, блеснув бесценными камнями амулетов, покатилась в пропасть.

Силы мага разом иссякли. Людей у костра отпустило. Глубоко дыша, с перекошенным от боли лицом, судорожно схватившись за культю, придворный колдун отступил на несколько шагов и устало привалился к скале. Побелевшие от напряжения губы уже нашептывали лечебное заклинание, отменно отточенное с юношеских лет в Поющих Башнях. Сил осталось совсем немного, но этого хватило, чтобы остановить кровотечение и обуздать подругу боль. Внизу у костра явно что-то происходило. Он обернулся в ответ на крики слуги.

— Нет! О нет, вы погибните! — орал его мальчишка.

Но горцы не послушались. Все как один, пригнувшись, выхватив длинные ножи, перепрыгивая с камня на камень, они неслись за жизнью раненого некроманта. Рядом с хозяевами, оскалившись, без лая бежали огромные волкодавы.

— Крестьяне. Хоть и горцы, — прохрипел Шестипалый, зло ухмыляясь. Этакой «улыбочке», наверное, мог бы позавидовать сам василиск. Вот только на приближающихся это никак не отразилось. Будто издеваясь, без спешки и паники темный достал из-за пазухи замшевый, потертый кошель с вышитой на нем изогнутой многоножкой и без сожаления высыпал целое

состояние прямо на камни, оставив себе лишь одну монету: точную копию тех, что давал в уплату старосте. Золото весело покатилося вниз, звеня и подпрыгивая.

Удивительно. Но раненый, бледный как сама смерть некромант с расслабленной небрежностью подкинул в воздух и поймал свой единственный империал.

Казалось, темному не выжить, пара-тройка ударов сердца, и все: горцы его, как барана, порежут на узкие полоски. Противный, визгливый голос некроманта будто заполнил собой пустоту онемевшей от ужаса природы.

— Мои крошки, мои блестящие малютки, вашего доброго хозяина хотят обидеть. Вы же не допустите, чтобы это случилось?

Резко запахло гарью и паленой кожей.

По камням в сторону набегавших горцев уже прыгало не звонкое золото, а расплавленный металл, на глазах превращающийся в больших дымящихся многоножек. Староста, бежавший впереди всех, истошно заорал, завертелся волчком, хлопая себя по груди, его одежда, как и у всех остальных, дымилась. Миг, и горцы все без исключения истошно кричали, пытаясь освободиться от одежды.

— Жадность — это плохо, — позлорадствовал некромант. — Кусай, мои золотенькие! Кусай их!

Яд блестящих на солнце артефактов, некогда подаренных Шестипалому великим учителем Юлгу, мог и льва остановить, не то, что человека. Люди и собаки, рискнувшие пойти против некроманта, застыли каждый в своей позе. Плата некроманта как всегда оказалась с подвохом: у каждого из горцев за пазухой притаилось по беспощадной монете, а то и по две, превращающихся по желанию истинного хозяина в опаснейших реликтовых насекомых. Лохматым и клыкастым досталось не меньше: безжалостные, палящие мех многоножки терзали их даже больше, чем людей.

— Ты не знаешь, что делать? — с угрозой спросил Шестипалый у запыхавшегося, подбежавшего слуги-ученика.

— Знаю, господин. Рука.

— Тогда поспеши, или ты решил обогнать всех и свалиться в бездну даже раньше этих сумасшедших пастухов?

Слуга не стал испытывать судьбу, быстренько метнулся под скалу на розыски отсеченной конечности. Некромант же удобно расположился в камнях, присев рядом с плоским камнем, выложив на него небольшой, обгрызенный со всех сторон слиток настоящего золота с несколькими имперскими печатями и стал легонько постукивать по нему изогнутым ногтем

мизинца, приговаривая:

— Давайте, давайте, спешите к папочке, мои хорошие, — заслужили.

Тут же рядом с его рукой скользнуло несколько многоногих особей, словно напавших на отчеканенный профиль императора Шиона... С каждой минутой вгрызающихся в золотой слиток становилось все больше. Как только эти древние порождения давно забытой магии насыщались, они сворачивались и, казалось, умирали. Под ними дымился мох, потрескивал камень; расплавляясь, многоножки постепенно принимали привычный образ золотого империала и остывали.

— Остынут — протри, уложи. И приготовь инструменты, — сказал Шестипалый возвратившемуся слуге. Маг кинул на камень потертый замшевый кошелек, рядом лежала целая россыпь золотых монет.

— Конечно, господин. — Слуга склонился и протянул Шестипалому отсеченную конечность. Маг хмыкнул.

— Оказывается, все не так плохо, — с удовлетворением в голосе определил Шестипалый, придирчиво осматривая срез, перстни с самоцветами, унизывающие обескровленные пальцы, равнодушно поблескивали на солнце. Такого ущерба темный давно не получал.

Пока слуга готовил все для сращивания и регенерации, некроманта одолевали соблазны. Возвышение было где-то рядом, буквально в ста шагах. Его снедали противоречия, неуверенность в выборе пути. Сомнения в том, что найденная пещера — путь к Темной книге у него почти не осталось. Слишком сильной была магия защиты. Явно ставилась кем-то из великих. В этом то он неплохо разбирался. Схрону было более тысячи лет: ни время, ни ужасное землетрясение, снесшее почти полгоры и вскрывшее вход, не ослабили защиту, и это было само по себе невероятным. «А может, рискнуть и вырвать сокровище из узилища собственными силами? И тогда...»

— Все готово, господин. — Со словами слуги тревожные противоречия будто еще громче постукались в сознание Шестипалого. Он тряхнул головой:

— Решу чуть позже.

Слуга подступил поближе:

— Вы что-то сказали, хозяин?

Маг промолчал, с отрешенным видом выдавливая из своей отсеченной конечности кровь в небольшой сосуд из горного хрусталя. «Что ж, надо поспешить, потревоженная защита древних может усилиться, старые народы были большими выдумщиками». Размышляя над тем,

как правильной поступить, Шестипалый подошел к парализованным горцам и их собакам. «Это правильно, молодец», — согласился про себя некромант с выбором слуги. Приготовленный им крестьянин был раздет при помощи ножа, выглядел молодым и здоровым.

— Чего глазами хлопаешь, страшно? — зло хохотнул некромант, обращаясь к распростертому на земле. — Надо было раньше бояться, когда шел меня сокрушать. — Шестипалый положил свою отсеченную руку на грудь несчастного, достал из котомки небольшую шкатулку, выудив оттуда крошечный ножик с замшелым зеленым лезвием и небольшой кисет, отдав его слуге.

— Высыпь половину на последней формуле заклинания. Да не упусти остатки опарышей, может еще пригодятся. Завязки затяни потуже.

— Не беспокойтесь, хозяин, все понял, все сделаю.

— Тогда приступим. — Некромант, повизгивая, вводя себя в транс, зеленым лезвием вырезал страшные руны на теле обездвиженного. Разрезы почти тут же взбухали и наполнялись гноем. Даже не поморщившись, Шестипалый высек последнюю руну на собственном предплечье. Умостившись рядом с жертвой и приладив свою отсеченную конечность к обрубку, он взвыл заклинанием, да так, что у парализованных собак дыбом встала шерсть.

«Сыпь», — приказали бешеные глаза мага. Слуга, едва живой от ужаса, трясущимися руками, поскуливая, будто маленькая собачонка, высыпал из кисета жирных опарышей. Навозная мерзость ползала, суетилась, жрала, быстро увеличиваясь в размерах. Попутно перерождаясь нечто, больше похожее на огромных бесцветных пиявок. Жуткие создания облепили руку Шестипалого в месте разреза и будто выкачивали жизнь из несчастного, вливая ее в некроманта. Молодой горец на глазах превращался в немощного старика.

Глянув на потерянного от ужаса слугу, Шестипалый сквозь зубы прошипел:

— Сопли не распускай. Некогда. Ни один из Опарышей бездны не должен уползти. Малыши, вкусив моей плоти, опасны. Они взрослеют и постараются свить гнездо из меня или тебя, или из этих недоумков, что отдыхают в кустах. Потом проблем не оберешься. Этого, — Шестипалый указал глазами на умирающего, — им надолго не хватит. Разведи в пяти шагах от меня костер и стащи крестьян и собак в одну кучу, вооружись и смотри мне, не упусти, если в твою сторону прорвутся. Пшел!!! — взвизгнул некромант. Слуга сорвался, будто его ударили плетью.

— И почему меня вечно окружают неучи и уроды? — морщась, сквозь редкие зубы сцедил некромант, пальцы на некогда отсеченной конечности медленно сжались в кулак.

На одном из перстов на здоровой руке Шестипалова быстро появился напалец холода. Без сожаления он всадил острое наведшие в оживавшую руку и закричал от боли, рука до плеча вмиг покрылась изморозью.

Мерзости — опарыши бездны, как их называл некромант, — одна за другой стали отваливаться

от ставшей ледышкой руки.

Шестипалый вскочил и забежал за костер, уже разожженный слугой. Стал слышен ужасный треск, опарыши рвали тело несчастного, будто голодные гиены мягкую падаль. Слуга кинулся к горцам — выполнять вторую часть поручения некроманта.

— Стой, дурень! Нельзя напрямки, — гаркнул Шестипалый. Слуга с белым перепуганным лицом упал, резко подавшись назад.

— По дуге обегай, неуч, ноги по коленки отгрызут, моргнуть не успеешь! — Слуга, как полоумный, где прыжками, где на четвереньках ринулся к застывшим горцам, с запасом оббегая опасное место.

— Вот теперь похвальное усердие, — довольно высказался некромант, морщась, с неприятным треском сжимая и разжимая пальцы замороженной руки. Костер рядом разгорался все больше и больше. Когда от жертвы остались лишь ошметки сухой кожи тоньше пергамента, опарыши заволновались, поднимаясь над травой, выискивая, чем бы поживиться.

— Ну вот, теперь нужна точная и филигранная работа, — подбодрил себя маг. «Огненный молот» Шестипалый не любил — это было одно из немногих заклинаний, которое ему не очень давалось. Еще будучи учеником, он дважды едва не угробил себя. Магу Шиона вспомнилось, как великий Юлгу однажды долго хохотал, глядя на его опаленную физиономию, а потом сказал: «Ты когда-нибудь окончательно прижаришь себя. Хотя, если тебя окружают, это может быть вполне эффективным».

Древняя формула сложилась почти без изъяна, гортанные выкрики на гномьем наречии едва не поднимали лежавшие камни. Схватившись двумя руками за воображаемую рукоять, маг размахисто ударил. Костер страшно пыхнул и целиком, не растеряв ни одной головешки, ни одного уголька, по широкой дуге огненной пятой ударил по гнезду опарышей, оставив после себя лишь столб искр да пепел. Силы заклинания хватило, чтобы четырежды полыхнуть, выжигая округлые дымящиеся проплешины на вершок глубиной.

— Я велик, — восхитился собой Шестипалый: все пространство от его сапог до кучи сложенной из собак и людей дымилось и, потрескивая, пылало. — А теперь надобно отдохнуть, — довольный проделанной работой, сказал Шестипалый.

Впереди было еще столько дел. Слуга на этот раз не дал повода себя отчитать. Он собрал все походные одеяла, что были на месте стоянки и устроил неплохую лежанку с пологом. Шестипалый не захотел даже перекусывать. День выдался слишком насыщенным и утомительным, сил хватило лишь на то, чтобы дотащить себя до походной постели и на простенькое охранное заклинание.